

Жан-Жак Буазар

Басни
Книги I, II

Жан-Жак Буазар

Жан-Жак Буазар.

Басни. Книги I и II

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70934101

SelfPub; 2024

Аннотация

Интерес к творчеству баснописцев от античности до современности не угасает и поныне. Данное исследование посвящено творчеству одного из наиболее ярких представителей этого жанра, французскому поэту и мыслителю Жан-Жаку Буазару. Книгу без преувеличения можно назвать уникальной, ведь в ней раскрывается значимость произведений Буазара не только в контексте конкретного исторического периода, но и применительно к нравственным, духовным да и вообще человеческим ценностям в любую эпоху и в самом широком смысле. Неизвестный ныне, Буазар был высоко оценён властителями дум эпохи Просвещения, Вольтером и Дидро. В книге представлены как произведения самого Буазара, так и произведения его предшественников и последователей. Книга предназначена для широкого круга читателей.

Содержание

«Я не Лафонтен». Эссе о лафонтеновых сюжетах в баснях Жан-Жака Буазара	4
Реакция в преддверии революции. Вступление переводчика к книге I	38
Книга I	51
Пролог	51
I. Волк и агнец[70]	54
II. Дитя и пчела	57
III. Соловей и кукушка	59
IV. Лоза и вяз	61
V. Орлёнок и ворон	62
VI. Жавороночка и её детки[73]	64
VII. Заяц и черепаха[74]	67
VIII. Пауки[75]	70
IX. Лев и обезьяна[76]	72
X. Собака и кошка	75
XI. Петушок и устрица	77
XII. Силки	79
XIII. Шелкопряд и земляной червь	81
XIV. Полевка и водяная крыса[78]	83
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Жан-Жак Буазар

Жан-Жак Буазар.

Басни. Книги I и II

«Я не Лафонтен». Эссе о лафонтеновых сюжетах в баснях Жан-Жака Буазара

«Я не Лафонтен». Эссе о лафонтеновых сюжетах в баснях Жан-Жака Буазара

Когда-то Антуан де Ривароль¹ обронил: «Они [басни Буазара] вывели из моды басни Лафонтена², что всегда немного несправедливо». Это была уже не первая попытка поставить на одну доску двух незаурядных французов, и хотя Жан-Жак всячески открещивался от сходства и сравнения с гениальным предшественником, искушение «посравнить да посмотреть век нынешний и век минувший» становилось только

---

¹ Антуан Ривароль (26 июня 1753, Баньоль-сюр-Сез, Гар – 11 апреля 1801, Берлин) – французский журналист, писатель, полемист, критик.

² Жан де Лафонтен (8 июля 1621, Шато-Тьерри – 13 апреля 1695, Париж) – самый известный французский баснописец Великого века (времени правления Людовика XIV), оказавший огромное влияние на развитие как жанра басни, так и мировой литературы в целом.

сильнее. И ваш покорный слуга не избежал сего искушения и «посравнил и посмотрел», и (отмечу, забегая вперед) не напрасно.

Казалось бы, что общего у Лафонтена и Буазара кроме языка и жанра? Люди разных эпох и иного подхода к написанию басен: если Лафонтен пересказывает на свой лад сюжеты из древних трактатов («Панчатантра»), античных авторов (не только баснописцев), то Буазар так тонко вплетает отсылки к предшественникам в ткань басни, что порою их не видишь даже со второго раза. Но тем интереснее поиск, ибо литература XVIII века – не бложек нахватавшей чужих цитат светской львицы: каждое слово и штрих в произведении обладали особым смыслом. Поэтому не стану боле растекаться мыслию по древу, а начну, пожалуй, с поиска лафонтеновых черт в буазаровом творчестве.

Проводить исследование с целью найти Лафонтена в Буазаре – напрасный труд: величайший французский баснописец оказался бомбой, осколки от взрыва которой разлетелись по всей Европе. А в конце XVIII века творчество его к тому же находилось на пике популярности: и испанец Феликс Мария де Саманьего³, и швед Густав Фредрик Юлленборг⁴, и российские подданные Александр Петрович Сума-

---

³ Феликс Мария де Саманьего (октябрь 1745, Ла Гардиа – 11 августа 1801, Ла Гардиа) – испанский баснописец баскского происхождения, преводивший басни Лафонтена весьма близко к тексту, но с испанской спецификой.

⁴ Граф Густав Фредрик Юлленборг (25 ноября 1731, провинция Эстергётланд – 30 марта 1808, Стокгольм) – шведский поэт, драматург эпохи Просвещения.

роков⁵, Василий Кириллович Тредиаковский⁶, Михаил Матвеевич Херасков⁷, Иван Иванович Дмитриев⁸, и конечно же сам Иван Андреевич Крылов⁹ (!) – всё это современники

Пожалуй, из всех переводчиков Лафонтена именно Юлленбург позволял себе наибольшие отступления от оригинала.

⁵ Александр Петрович Сумароков (14 [25] ноября 1717, Вильманstrand (ныне Лаппеэнранта) – 1 [12] октября 1777, Москва) – русский поэт, драматург и литературный критик. Один из крупнейших писателей русского классицизма XVIII века. Баснописец, переводчик басен Лафонтена.

⁶ Василий Кириллович Тредиаковский (22 февраля (5 марта) 1703, Астрахань – 6 (17) августа 1768, Санкт-Петербург) – русский поэт, переводчик и филолог XVIII века, один из основателей силлабо-тонического стихосложения в России. Впервые ввёл гекзаметр в арсенал русских стихотворных размеров. Впервые в русском языке и литературе теоретически разделил поэзию и прозу и ввёл эти понятия в русскую культуру и общественное сознание. Баснописец, переводчик басен Лафонтена.

⁷ Михаил Матвеевич Херасков (25 октября [5 ноября] 1733, Переяславль – 27 сентября [9 октября] 1807, Москва) – русский поэт, писатель и драматург эпохи Просвещения. Баснописец, переводчик басен Лафонтена.

⁸ Иван Иванович Дмитриев (10 [21] сентября 1760, село Богородское, Казанская губерния – 3 [15] октября 1837, Москва) – литератор, сенатор, член Государственного совета, министр юстиции в 1810–1814 годах; русский поэт, баснописец, представитель сентиментализма. Переводил басни Лафонтена. По неподтвержденным данным перевел все басни Жан-Жака Буазара; в силу того, что произведения Ивана Ивановича до сих пор до конца не разобраны, и переводы героя нашей книги распределены по всем рукописям великого русского баснописца, то факт перевода всех басен Буазара невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть; однако известно изрядное количество басен Дмитриева, являющихся переводами буазаровых стихотворений.

⁹ Иван Андреевич Крылов (2 [13] февраля 1769, Москва – 9 [21] ноября 1844, Санкт-Петербург)[4] – русский писатель, наиболее значимый баснописец в истории русской словесности; журналист, издатель сатирико-просветительских жур-

Жан-Жака Буазара. К тому же Лафонтен уже тогда изучался в школах и стал частью французского культурного кода. Писать профессионально (а масштаб деятельности Буазара говорит именно о профессиональной деятельности, а не об увлечении) басни во Франции в Галантный век и ни разу не сослаться на Лафонтена так же маловероятно, как сочинить в России басню про ворону и лисицу, не прибегая к бессмертному тексту Ивана Андреевича. Поэтому я не ставлю целью «выводить Буазара на чистую воду», фиксируя каждую отсылку к солнцу французской басни; куда интереснее разглядеть метаморфозы лафонтеновых сюжетов в буазаровых баснях и поразмыслить, чем эти метаморфозы вызваны.

В первую очередь стоит обратить внимание на басни Буазара, якобы полемизирующие с лафонтеновыми сюжетами. Ярчайший пример такой «poleмики» (как мне сперва показалось) явлен в баснях «Цикада и муравей» (В.¹⁰: *Cigale et la Fourmi*, II; X; L¹¹.: *La Cigale et la Fourmi*, I; I). Казалось бы, куда уж ярче противопоставление презрительно-барского:

налов, библиограф. Руссификатор басен Лафонтена.

¹⁰ В данной статье приняты следующие обозначения и сокращения В. – Жан-Жак Буазар; L. – Жан де Лафонтен; II; X – нумерация басен Жан-Жака Буазара согласно данной серии (перевод второго издания от 1777 года); первая цифра означает книгу, вторая – номер басни в книге; I – нумерация басен Жана де Лафонтена, согласно сборнику «Полное собрание сочинений с биографией и примечаниями» – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001; первая цифра означает книгу, вторая – номер басни в книге.

¹¹ Ознакомиться с произведением Жана де Лафонтена можно в Приложении 20.

– Значит, пела... Прекрасно!

Попляши-ка сейчас!

– из уст муравья и обреченно-проклинающего:

– Зима всё ближе? Что ж, от смерти не уйдёшь:

Хоть житница наполнена твоя, моя ж пустеет,

Но там, прокляв богов, ты вскорости помрёшь,

К чему барыш, когда им не владеют?

По мне отрадней петь, коль миг последний ждёшь.

– из уст цикады. Да и сословная подоплёка налицо: и у Лафонтена, и у Буазара муравей – не скромный труженик, а скорее кулак-ростовщик, эдакий прообраз поднимающей голову буржуазии, которая через 15–20 лет возьмёт власть во Франции, отменив сословные привилегии (и как точно подмечена зима-революция!). Однако небольшая деталь вносит разлад в казалось бы незыблемую гармонию данной концепции, и зимы-то эта деталь касается в первую очередь. В басне Лафонтена зима уже наступила:

Quand la bise fut venue

Когда зима пришла

– тогда как у Буазара зима только приближается:

L'Hiver approche

Зима приближается.

И таким образом басня Буазара становится предисловием к басне Лафонтена, а не её антиподом: уж коль цикада не нашла ничего умнее, как нагрубить буазаровской осенью пытавшемуся вправить ей мозги муравью, то какого же отношения хочет она лафонтеновской зимой! И где здесь противоречие?

Также я бы не стал отбрасывать мысль, что великий баснописец Галантного¹² века использовал пространство басни Лафонтена как реквизит для описания современной драмы, момента, выхваченного из окружающей действительности. Басня Буазара была написана в последние годы правления Людовика XV, когда страна погружалась в глубокий финансовый кризис, а что делал король? А монарх развлекался, охотился, менял как перчатки любовниц... и повторял фразу своей бывшей фаворитки: «После нас хоть потоп!». А тем временем верхи всё более «не могли», а низы всё более «не хотели», и присутствие невиданного доселе зверя по имени «развитие революционной ситуации» уже ощущали все, кто мог вообще хоть что-то чувствовать. И на кого смогло бы опереться непрерывно пляшущее, интригующее, пирующее и совокупающееся дворянство, в муравьином народе уже давно приобретшее славу паразитов и бесполезных людей? Вот это и видел Буазар. И именно такую позицию, «после нас

---

¹² Имеется в виду XVIII век.

хоть потоп», он и обернул в стихотворную форму вылетающего из уст Цикады истеричного монолога.

Но если этот парный сюжет хотя бы в первом приближении можно представить полемикой, то остальные четыре сюжета, объединенные в якобы спорящие с произведениями предшественника басни, именно что «якобы» полемизируют, являясь на деле аркой на лафонтеновом базисе.

Например, басни «Жавороночка и её детки» (В.: L'Alouette et ses Petits, I; VI) Буазара и «Жавороночка и её детки, а также землевладелец» (Л.: L'Alouette et ses petits, avec le maître d'un champ¹³, IV; XXII) Лафонтена как раз и являют такой образец надстройки. Казалось бы, разные и ситуации, и персонажи: подобная киногерою Мэла Гибсона в битве при Стерлинге¹⁴ героиня басни Лафонтена, решительная, мудрая и авторитетная – и совсем оклушившаяся сентиментальная насадка Буазара, пытающаяся удержать своих деток от опрометчивого шага. Однако обе басни объединяют как минимум два штриха: во-первых – отсутствие отца в семье на момент повествования. Если учесть, что жаворонки – крайне верные птицы, у исчезновения главы семейства есть лишь одна причина – насильственная смерть, что и подтверждается у Буазара:

Si vous quittez votre berceau,

---

¹³ См. Приложение 6

¹⁴ Отсылка к фильму «Храброе сердце» (Braveheart, 1995)

*Vous trouverez peut-être... Ainsi que votre père...
Ou la prison, ou le tombeau.*

*А коли упорхнете с колыбели,
Найдёте вы, как ваш отец, наверное,
Иль смерть в когтях иль заточенье.*

Второй же штрих – одно и то же правило для обоих сюжетов: послушание – залог выживания. Слушаясь маму у Лафонтена, птенчики выжили и разлетелись спокойно, покинув в ставшем опасным поле пустое гнездо; не послушавшись маму у Буазара, подростки потеряли жизнь и волю. Так Буазар, отталкиваясь от басни Лафонтена, воссоздав картину таким образом, что от первоначального сюжета осталось лишь несколько общих мазков, приходит к тем же выводам, хотя и с противоположной стороны. Невозможно не подчеркнуть и еще одну деталь, которая у Буазара проявится не раз: на фоне лафонтеновых персонажей буазаровы герои выглядят неидеально, а говоря открыто, ситуацию можно описать фразой Александра Сергеевича Грибоедова:

*И точно, начал свет глупеть,
Сказать вы можете вздохнувши;
Как посравнить, да посмотреть
Век нынешний и век минувший*

– в данном случае вместо находчивой и мудрой моло-

дой жавороночки – постаревшая сентиментальная мадам, а на смену послушным деткам приходят своевольные и самоуверенные подростки, не признающие авторитетов. Данный лейтмотив в сознании и творчестве является отражением предреволюционного бытия, когда недовольные строем делятся на две категории: идущие вперед новаторы, готовые смести уклад и построить новый мир на обломках старого, и консерваторы, пытающиеся найти решение в идеалах прошлого; Буазар, конечно же, принадлежит к последним.

Такую же арку можем мы наблюдать и в следующей паре: «Улов» (В.: *La Pêche*, I; XX) и «Маленькая рыбка и рыбак» (L.: *Le Petit Poisson et le Pêcheur*, V; III)¹⁵, и опять же, хотелось бы предварить сравнение небольшим историческим экскурсом.

Как смертельно больной человек, стремясь исцелиться, обращается не только к светилам медицины, но и к представителям нетрадиционных течений (а если говорить прямо, к обыкновенным шарлатанам), так и страна, больная финансовым кризисом, порой доверяется авантюристу, обещающему быстрое решение проблемы (увы, чем глубже кризис, тем слабее у людей выражено критическое мышление). Для Франции таким «спасителем» стал Джон Ло¹⁶. Рецепт

---

¹⁵ См. Приложение 12.

¹⁶ Джон Ло оф Лористон (21 апреля 1671, Эдинбург – 21 марта 1729, Венеция) – шотландский экономист, финансист и авантюрист.

спасения был прост, как реклама АО «МММ»¹⁷ и обещания Сергея Мавроди¹⁸ (хотелось бы указать на схожесть образа действий): эмиссия фиатных или «бумажных» денег, не обеспеченных драгоценным металлом в государственной казне. По аналогии с денежным обращением, согласно замыслу этой аферы, частные компании преуспеют за счет выпуска своих акций под распространяющиеся сведения о якобы сверхприбыльной деятельности в колониях, что привлечет инвесторов и повысит цену на акции. В 1716 г. Д. Ло учредил во Франции Всеобщий банк (фр. Banque Générale), получивший доступ к ее государственным финансам, и за счет выпуска необеспеченных денег приступивший к решению проблемы государственного долга. В следующем году Д. Ло добился предоставления монопольных прав Миссисипской компании, которая была основана в 1684 г., и переименовал ее в Западную компанию (фр. Compagnie d'Occident),

---

¹⁷ АО «МММ» – крупнейшая в истории России финансовая пирамида (от 10 до 15 млн. обманутых вкладчиков), действовавшая с 1993 по 1997 год. Реклама АО «МММ» отличалась простотой, а также яркостью образов героев из «народа» (например Лёня Голубков) и запоминающимися фразами («Ё-моё, куплю жене сапоги!»).

¹⁸ Сергей Пантелеевич Мавроди (11 августа 1955, Москва, СССР – 26 марта 2018, Москва, Россия) – российский основатель нескольких финансовых пирамид, политический деятель и писатель. Известен как создатель АО «МММ», которая считается классической и крупнейшей финансовой пирамидой России по количеству пострадавших (10–15 миллионов человек) и ущербу (по некоторым оценкам, 3 миллиарда рублей). В 2003 году был осуждён за мошенничество в крупных размерах.

в 1719 г. она стала Индской компанией (фр. Compagnie des Indes). Проводилось освоение колоний Франции, расположенных в Северной Америке по ходу течения р. Миссисипи, – они включали в себя обширные земли к северу от современной Луизианы до Канады. Стали целенаправленно распространяться сведения о природных богатствах указанных территорий с акцентом на заготовку шкурок бобра и добычу драгоценных металлов, что изначально не соответствовало действительности. Компания Д. Ло получила в начале 1719 г. право чеканить монету, в августе – право собирать косвенные налоги французской короны в колониях Миссисипи и в октябре – прямые налоги. На следующем этапе принимается решение о рефинансировании государственного долга Франции посредством его конвертации в акции компании. Следствием циркуляции позитивной информации о конъюнктуре рынка стал рост котировок акций Индской компании с 500 ливров в январе 1719 г. до 10 тыс. ливров в декабре; цена на акции в начале 1720 г. выросла в 10 раз по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Увеличивалась масса бумажных денег, выпущенных Всеобщим банком, что повлекло за собой инфляционные явления на рынках недвижимости во Франции и дорогостоящих товаров. При этом такие деньги выпускались под будущую добычу золота и серебра из долины р. Миссисипи, которого там не оказалось. В январе 1720 г. котировки акций Индской компании начали снижаться, что вызвало волну паники сре-

ди желающих продать ее акции и зафиксировать прибыль инвесторов. Были введены ограничения на выкуп акций, но уже в мае разразился скандал об отсутствии золотых приисков в районе р. Миссисипи – бумажные деньги Всеобщего банка обесценились на 50 %, чему способствовало его участие в торговле акциями Индской компании. В результате к сентябрю 1720 г. котировки акций компании снизились до двух тыс. ливров, к декабрю – до одной тыс. ливров и к 1721 г. – до 500 ливров. Вскоре как компанию, так и банк объявили банкротами. Джон Ло вынужден был бежать из Франции. Повторно.

Казалось бы, данный скандал должен был отвести общество от подобного рода авантюры, но прогресс общественно-экономических отношений неостановим: в 1724 году Королевским декретом основана Парижская Фондовая биржа, торговля всё больше развивалась, а прослойка дельцов, предпринимателей, авантюристов и откровенных аферистов росла и множилась. Тот же Пьер Бомарше¹⁹, младший современник Буазара, несколько раз получал баснословные прибыли и разорялся. Так базис страны, сохранявшей феодальную надстройку, становился всё более капиталистическим.

Теперь же я хотел вернуться к сравнению. У двух басен есть следующие общие черты: рыбалка как декорация для

---

¹⁹ Пьер-Огюстен Карон, с 1757 года именовавший себя Бомарше (24 января 1732, Париж – 18 мая 1799, там же) – французский драматург, публицист и деятель, известный в первую очередь комедийными пьесами «Севильский цирюльник» (1775) и «Женитьба Фигаро» (1784).

самой истории и карпенюк как действующее лицо. А дальше – различия, обусловленные происходящими общественными процессами: если у Лафонтена рыбаки, мудрый аки Санчо Панса, руководствуется принципом «Дают – бери, бьют – беги», не сильно доверяя радужным перспективам сегодняшних инвестиций, то поведение пастушки Аннет больше похоже на образ действия пойманного куража игрока на бирже, чья вера в свою удачливость преобладает над здравым смыслом. «Бери сейчас!» – провозглашает Лафонтен. «Знай меру!» – проповедует Буазар. «Лучше синица в руках, чем журавль в небе», – разными путями, но к одному и тому же умозаключению приходят оба баснописца.

Кроме того, хотелось бы отметить и воспетую таким же образом скромность в паре «Черепашка и две утки» (L.: La Tortue et les deux Canards, X; III)²⁰ и «Черепашка и утки» (В.: La Tortue et les Canards, II; XVIII): у Лафонтена черепаха, с исчерпывающей характеристикой в первой строке басни:

Une tortue était, à la tête légère

Жила-была черепаха легкомысленная особа²¹

– или

---

²⁰ См. Приложение 28.

²¹ У выражения avoir la tête légère существует два варианта перевода «быть легкомысленным» и «быть пустоголовым»; здесь подходят оба.

Жила-была черепаха, особа пустоголовая

– пускается в безумную авантюру, у Буазара черепаха – жалобщица (кстати, прошу обратить внимание на то, что даже форма раскрытия персонажа аналогична):

Une Tortue étoit, qui se plaignoit aux Dieux:

Жила-была черепаха, что жаловалась богам:

– стенающая о невозможности путешествовать, но воспринявшая знак от богов в виде начавшегося отстрела уток. Таким образом Буазар на фундаменте лафонтеновского порицания напрасного любопытства выстраивает здание (я бы даже сказал, домостроит) имени скромного несения своего креста и отказа от тщетных мечтаний и ропота на высшие силы; однако при этом всё же сквозит нечто неуловимое про «пропавший дух авантюризма».

Впрочем, довольно дурновкусных скреп в виде «врожденного чувства ранга»; есть у Буазара и трансформации вполне в духе времени (а можно ли жить в эпоху Просвещения, не впитав ни капли оного?).

Рассмотрим пару «Лев состарившийся» (L.: Le Lion devenu vieux, III; XIV)²² и «Болезный лев» (B.: Le Lion malade, II; II). Прежде чем начать анализировать сам текст,

---

²² См. Приложение 14.

позволю себе опять же небольшой исторический экскурс, думается мне, здесь уместный. Как уже упоминалось ранее, всё более глубокий экономический кризис был фоном правления Людовика XV, но тяжелейшие последствия вызвал проигрыш в Семилетней²³ войне: согласно условиям Парижского мирного договора от 10 февраля 1763 года Франция потеряла практически все колонии в Северной Америке (долина Огайо, восточный берег Миссисипи за исключением Нового Орлеана, Канада, Новая Шотландия²⁴, острова Святого Лаврентия отошли Англии, Луизиана к западу от Миссисипи – Испании) и Сенегал, вынуждена была демилитаризовать Бенгалию и Ганновер, а взамен получила государственный долг в 2,3 миллиарда ливров (по тем временам астрономическая сумма). На этот раз королём было принято единственно возможное разумное решение – повысить налоги, однако против этого выступили французские парламенты²⁵, за-

---

²³ Семилетняя война (1756–1763) – крупный военный конфликт XVIII века, один из самых масштабных конфликтов Нового времени. Семилетняя война шла как в Европе, так и за океаном: в Северной Америке, в странах Карибского бассейна, в Индии, на Филиппинах. В войне приняли участие все европейские великие державы того времени, а также большинство средних и мелких государств Европы и даже некоторые индейские племена.

²⁴ Ныне провинция Канады.

²⁵ Парламенты – высшие суды во Франции XV–XVIII веков (период Старого порядка), образованные в 13 областях Франции по образу и подобию Парижского парламента, юрисдикция которого продолжала распространяться почти на половину территории страны. Со временем в их ведение перешли также вопросы строительства и содержания дорог, церквей, тюрем, больниц, благотворительных

явив, что король обязан представлять им полный и подробный отчет о всех источниках доходов и расходах государства, с тем чтобы они смогли сами найти выход из сложного финансового положения. Если учесть, что парламент ещё помнил успехи Фронды²⁶ против Анны Австрийской²⁷ и самого Мазарини²⁸, а у Людовика XV из всех активов были только финансовая необходимость и внезапно прорезавшаяся политическая воля (увы, не тянули маркиза де Помпадур²⁹ и

учреждений. Парламенты ведали цензурой, контролировали организацию и проведение любого рода публичных собраний, контролировали деятельность городских муниципалитетов, сельских коммун, ремесленных цехов и торговых гильдий. В описываемое время они были инициаторами политической борьбы с абсолютизмом, поскольку были единственным легальным органом, способным формулировать оппозиционные требования как правовые.

²⁶ Фрónда – обозначение ряда антиправительственных смут, имевших место во Франции в 1648–1653 гг. и фактически представлявших собой гражданскую войну. Классифицируют «старую» буржуазную Парламентскую фрónду (1648–1649) и «новую» аристократическую Фрónду принцев (1650–1653).

²⁷ Анна Австрийская, полное имя при рождении Анна Мари́я Маври́кия Австрийская (22 сентября 1601 – 20 января 1666) – испанская инфанта и эрцгерцогиня Австрийская из дома Габсбургов, королева Франции, супруга Людовика XIII (с 1615); мать Людовика XIV, регент по малолетству последнего (с 1643 по 1651).

²⁸ Джу́лио Мазари́ни (14 июля 1602 – 9 марта 1661) – церковный и политический деятель и первый министр Франции в 1643–1651 и 1653–1661 годах. Отличался как личной храбростью, так и политической изворотливостью. Именно быстрое возвышение Мазарини, а также его внутривластные интриги стали поводом для Фронды.

²⁹ Жанна-Антуанетта Пуассон (29 декабря 1721 – 15 апреля 1764), более известная как маркиза де Помпадур (фр. *marquise de Pompadour*) – фрейлина, хозяйка литературного салона, официальная фаворитка (с 1745) французского ко-

Этьен-Франсуа де Шуазель³⁰ на Жана-Батиста Кольбера³¹ и того же Мазарини), то к экономическому кризису прибавился затяжной политический кризис, грозящий превратить короля в марионеточную фигуру. Сам Жан-Жак Буазар к тому времени уже отправлял должность адвоката и прекрасно был осведомлён о нависшей над строем опасности. Конечно же, для консерватора-баснописца желательным чудом было бы восстановление абсолютной монархии времён Людовика XIV, и вскоре равновесие в вялой борьбе безвольного коро-

---

роля Людовика XV, которая на протяжении двадцати лет имела огромное влияние на государственные дела, покровительствовала наукам и искусствам.

³⁰ Этьен-Франсуа де Шуазель, герцог д'Амбуаз и граф Стенвиль (28 июня 1719 – 8 мая 1785) – французский государственный деятель эпохи Просвещения, глава французской дипломатии в последней трети царствования Людовика XV. Протеже маркизы де Помпадур. Пребывание Шуазеля на посту министра иностранных дел отмечено проавстрийскими интригами, вступлением Франции в крайне неудачную Семилетнюю войну. На посту премьер-министра Франции много сделал для земледелия и промышленности, улучшил флот и армию, установил правила для повышения в чинах, привёл в порядок хозяйственную часть войска, усилил морскую артиллерию, основал шесть кавалерийских училищ.

³¹ Жан-Батист Кольбер (29 августа 1619, Реймс – 6 сентября 1683, Париж) – французский государственный деятель, один из важнейших сановников эпохи царствования Людовика XIV; первый министр Франции (с 1661), по совместительству также занимал посты генерального контролёра финансов (с 1665), министра королевского двора и морского статс-секретаря (с 1669). Сторонник политики меркантилизма, способствовал развитию национального флота, торговли и промышленности. Заложил экономические предпосылки для формирования Французской колониальной империи. Член Французской академии (с 1667; на кресле № 24); инициатор учреждения Академии надписей и литературы (1663), Королевской академии наук (1666), Королевской академии музыки (1669) и Королевской академии архитектуры (1671). Протеже Джулио Мазарини.

ля и пастозного парламента сместилось вправо. В 1770 году восполнившая пустоту после смерти маркизы де Помпадур новая фаворитка короля Жанна Дюбарри поспособствовала возвышению триумvirата: герцог д'Эгийон³² (забегая вперёд: сравнивая фигуру дяди³³ и правнучатого племянника, с горечью ловишь себя на мысли, что природа на детях отдыхает), Жозеф-Мари Террэ³⁴ и Рене Мопу³⁵, не побоявшийся в

---

³² Эммануэль Арман де Виньеро дю Плесси-Ришельё, герцог д'Эгийон (31 июля 1720, Париж – 1 сентября 1788, Париж), известный в исторической литературе как министр или герцог Эгийон и неверно Эгийон – французский военачальник и политический деятель; министр иностранных дел на протяжении 3-х лет; военный министр конца правления Людовика XV, правитель областей Эльзас и Бретань.

³³ Арман Жан дю Плесси, 1-й герцог де Ришельё (9 сентября 1585, Париж – 4 декабря 1642, там же), также известен как кардинал Ришельё или Красный кардинал (правильнее – Красное Высокопреосвященство) – французский государственный деятель, центральный персонаж эпохи царствования Людовика XIII; кардинал Католической церкви (1622), фактически управлявший Францией в качестве первого министра (с 1624), также занимавший посты секретаря по иностранным и военным делам (оба в 1616–1617), губернатора Бретани (с 1632), проницательный реформатор и очень опытный интриган.

³⁴ Аббат Жозеф Мари Террэ (родился 9 декабря 1715 года, Боэн-сюр-Линьон, Франция – умер 18 февраля 1778 года, Париж, Франция) – французский религиозный и политический деятель, последний генеральный контролёр (министр) финансов Людовика XV (1771–74).

³⁵ Рене Никола де Мопу (25 февраля 1714 года, Монпелье – 29 июля 1792 года, Тюи), полное имя Рене Никола Шарль Огюстен де Мопу, маркиз де Морангль и де Бюлли, виконт де Брюйер-ле-Шатель (René Nicolas Charles Augustin de Maupeou, marquis de Morangles et de Bully, vicomte de Bruyères-sur-Oise) – французский политический и судебный деятель; канцлер (глава судебного ведомства) и хранитель печатей (назначен Людовиком XV, 1768–1774). Фактически первый

ночь с 19 на 20 января 1771 арестовать и лишить должностей значительное число членов парижского парламента, выступавших против королевского произвола, после чего преобразовать парламенты в суды с назначаемыми королем должностями (до этого были покупные), тем самым ради консервации активно разлагающегося строя пошедший на прогрессивный шаг по разделению ветвей власти (как минимум отделению судебной). Столь смелый шаг не мог пройти незамеченным у пассионарной молодёжи, и если Буазар скорее всего Мопу обожал, то наверняка были и те, кто искренне его ненавидели. Таким образом, есть ненулевая вероятность, что под человеком, пинцетом вытащившим занозу из лапы льва, именно Мопу, как тогда казалось, одним булавочным уколом поставивший точку в политическом кризисе, и подразумевался. С другой стороны, басня «Болезный лев» могла оказаться всего лишь попыткой отрефлексировать потерю Канады и Сенегала в Семилетней войне. Однако факт остается фактом: там, где у Лафонтена свергнутого льва по-варварски добивает скот (ох, какая отсылка к художествам парламентам, начиная от фронды, заканчивая вышнописанным кризисом 1764–1771!), буазаров лев отдает власть разумному человеку. Таким образом мы опять видим логическое завершение Буазара на фундаменте Лафонтена, а призыв ли это к сменяемости власти (у консерватора Буазара!), восторг ли по поводу реформы Мопу или же попытка внутренне при-

мириться с потерей колоний – едва ли мы уже узнаем.

Но не только ложными отрицаниями исчерпываются отсылки к Лафонтену: не гнушался Буазар и писать продолжение басен гениального предшественника. Ярчайший пример тому – «Заяц и черепаха» (*Le Lièvre et la Tortuë*, L³⁶., VI; X; B.; I; VII): в продолжении Буазара заяц, наш старый знакомый по басне Лафонтена, галантный грубиян и самонадеянный хлыщ, пытается взять реванш, предлагая черепахе снять панцирь на время соревнования, но черепаха просто высмеивает вертопраха, еще раз подчеркивая важность наличия своего дома, убежища, в котором ты можешь быть спокоен (вот за что я люблю консерваторов – за мощную доказательную базу: пойди, подкопайся). Чтобы показать преимущество, Жан-Жак Буазар прибегает к своему излюбленному способу: из проходной детали в Басне Лафонтена сделать краеугольный камень повествования; в этой паре таковым стал панцирь. В конце басни Лафонтена черепаха торжествующе заявляет:

*De quoi vous sert votre vitesse?
Moi l'emporter! et que serait-ce
Si vous portiez une maison?*

*Чему же служит Ваша скорость?
Я [приз] забираю! А что бы было,
Когда бы вы дом на себе тащили?*

---

³⁶ См. Приложение 7.

– а у Буазара уже заяц предлагает черепахе снять панцирь:

*Mais, croyez-moi, pour hâter votre allure,
Et ne pas compromettre aujourd'hui votre honneur,
Laissez, pour un moment, votre toit en arrière,
Votre attirail n'est pas celui d'une courrière.*

– Однако поверьте, чтоб Вы могли прибавить Ваш шаг
И честь свою окончательно не потерять,
Извольте на время домик Ваш снять,
Ведь к бегу он не приспособлен никак.

– и сей факт явно указывает на преимущество басни. И даже изменения характера черепахи, у Лафонтена вызвавшей зайца на спор, а у Буазара мало того, что отказавшейся от реванша, так ещё и объяснив почему, показавшей своё превосходство:

*Pour déloger souvent vous avez vos raisons,
Que je crois toutes assez bonnes...
Compère, mon ami, ton sommeil n'est pas pur.
Dans tous tes gîtes tu frissonnes;
Je n'en ai qu'un, mais il est sûr.*

*И скандалить у вас много поводов,
Мне так видится также и прочных, и крепких...
Только сон Ваш везде весьма беспокоен,*

*Дрожь за шкуру Вам будет вечной соседкой,
Я ж везде уверена и довольна*

И походя раскрывшей мотивацию лафонтеновой черепахи: не только во французских баснях, но и в немецких и русских сказках заяц представлен заносчивым, но недалеким хвастуном, чем в сказке Братьев Гримм воспользовался ёж³⁷, которому, видимо, заяц успел насолить никак не меньше, чем Лафонтеновой черепахе, почему она и вызвала зайца на состязание. Черепаха же в басне Буазара всё, что могла, доказала и себе и зайцу, а коли тот не понял, так какой смысл дурака учить? Только отбривать, ибо как есть дурак. А уж как актуальна басня Буазара для времени засилья вельмож (в случае когда королем управляет фаворитка, такое происходит сплошь и рядом)! Только и остается тосковать по родovitости и местничеству (хотя назначение Ришельё министром иностранных дел в 1771 с легкостью доказало неэффективность и данного метода кадровой политики: род прославленный, а результаты...)

Менее выпукла, но всё же очевидна причинно-следственная связь в следующей паре: «Лев и мышь»³⁸ (Le Lion et le Rat, L.; II; XI) и «Лев и обезьяна» (Le Lion et le Singe, V.; I; IX): здесь Буазар буквально одним штрихом связывает сюжеты:

---

³⁷ См. Братья Гримм. Заяц и ёж (Der Hase und der Igel), Приложение 1.

³⁸ См. Приложение 9.

*Tous les avis considérés,
Gille représenta le Roi donnant la vie
Au Rat, qui de son trou sortant à l'étourdie,
Se trouvoit, par malheur, sous les ongles sacrés.*

*Всё мнения собрав
Жиль выяснил, что царь когда-то жизнь оставил
Мышонку, что по глупости да из норы отправясь,
На горе в царских ощутил себя когтях.*

– право, не устаю восхищаться мастерству баснописца, сумевшего так ловко указать на преемственность басни.

Также хотелось бы указать на преемственность лафонтеновой басни «Крысиная лига»³⁹ (*La ligue des Rats*, L.; XII; XXV) и произведения Буазара «Смерть крыс» (*Le mort aux Rats*, B.; II; XIV): уж больно воинственны крысы в обеих баснях, да и сходное для обоих обозначение кота – *Raminagrobis* – (довольно редкое, в отличие от того же *Matou*) дает право так полагать.

Однако не только продолжения басен Лафонтена писал Буазар, но и их прологи; ярчайший тому пример – басни «Павлин и соловей» (*Le Paon et le Rossignol*, B.; II; VI) и «Павлин, жалующийся Юноне» (*Le Paon se plaignant à Junon*⁴⁰, L.; II; XVII): видимо, не совсем понимая мотивацию

---

³⁹ См. Приложение 24

⁴⁰ См. Приложение 16.

павлина (что немудрено: ни у Федра⁴¹, ни у Марии Французской⁴² нет внятного мнения на этот счёт), Буазар решил написать свою версию. Получилось злободневно (вельмож в красивых перьях пруд пруди, а вот умелых ты пойди-найди), а посему популярно: есть немалая вероятность, что басня «Павлин и соловей» Юлиана Немцевича⁴³ написана по канве старшего современника, учитывая, что сей польский писатель немало путешествовал по миру и был как минимум знаком с современными ему тенденциями и персоналиями.

Впрочем, Буазар не раз обращался к этой басне; также позаимствовал он оттуда и форму. Из смещения оной лафонтеновой басни и продолжения басни «Филин и птицы»⁴⁴ Шарля Перро (*Le Duc et les Oiseaux*, P.; I), алхимик басенного

---

⁴¹ Федр (ок.20 до н. э. – ок. 50 н. э.) – римский поэт-баснописец, интерпретатор и популяризатор басен Эзопа. Ввел в обиход сюжет «Павлин, жалующийся Юноне» (см. Приложение 17).

⁴² Мари́ де Франс, или Мари́я из Фра́нции или Мари́я Францу́зская (около 1160 – после 1210) – одна из самых известных средневековых поэтесс XII века. Автор сборников «Лэ Мари де Франс» (*Les Lais de Marie de France*) и «Басни» (*Izopet*), поэмы «Чистилище Святого Патрика» (*L'Espurgatoire Seint Patriz*), а также агиографического сочинения «Житие Святой Одри» (*La Vie Seinte Audree*), написанных на англо-нормандском языке. Считается первым интерпретатором басен Эзопа во Франции. Сюжет о павлине и соловье интерпретирован «Басню сорок третью о павлине, что молил об умении красиво петь» из сборника басен «Изопет» (см. Приложение 18)

⁴³ Юли́ан Урсын (Урсин) Немце́вич (16 февраля 1757, д. Скоки Берестейского повета Берестейского воеводства Речи Посполитой – 21 мая 1841, Париж) – польский писатель, историк и общественный деятель.

⁴⁴ См Приложение 25.

жанра получил весьма остроумную виршу «Минерва и филин» (*Minerve et le Hibou*, В.; II; XVI). Чтобы раскрыть общность формы, позволю себе сравнение: в обеих баснях птицы жалуются богиням, и богини им отвечают отповедью. Особенно хотелось бы сравнить формулу авторов перед прямой речью богини:

Junon répondit en colère

Юнона ответила в гневе

– у Лафонтена и

Minerve à ce discours répondit en colère

Минерва на речь ту ответила в гневе

– у Буазара; прошу еще раз обратить внимание: не *dit*, как в басне «Орленок и ворон» (*L'Aiglon et le Corbeau*, В.; I; V):

Un vieux Corbeau lui dit:

Старый ворон ему говорит:

– и не *repartit*, как в басне «Попугай и филин» (*Le Perroquet et le Hibou*, В.; I; XXI):

Le Hibou repartit: et toi, Messire sot...

Спарировал филин: «А ты, господин простофиля...

– и даже не *s'écria*, как в басне «Кадий и араб» ((Le Cadi et l'Arabe, В.; II; XXVI):

S'écria le Cadi... De mille aspres, dis – tu?

Воскликнул Кадий: «Тысяча аспров, говоришь?»

– а именно *répondit en colère* – *ответила в гневе*, что указывает на заимствование конкретнее лафонтеновой формы, удачно оттеняемое различным содержанием, обусловленным приметам времени. Если у Лафонтена павлин просит Юнону наградить его свойством, дабы реализовать оно в преимущество, как в своё время воспользовался случаем Николя Фуке⁴⁵, патрон Лафонтена (как раз падению Фуке и посвящена басня Перро), то у Буазара филин жалуется Минерве на то, что не стяжал уважения и просит ее сделать что-нибудь, дабы министра богини уважали и принимали

---

⁴⁵ Николя Фуке (27 января 1615, Париж – 23 марта 1680, Пиньероль) – французский государственный деятель, один из самых могущественных и богатых сановников первых лет царствования Людовика XIV, суперинтендант финансов (1653–1661). Приобрёл титулы виконт де Мелён и де Во, маркиз де Бель-Иль (фр. vicomte de Melun et de Vaux, marquis de Belle-Isle). Построил себе дворец Воле-Виконт, ставший вехой в истории европейской архитектуры. Возвысился благодаря тому, что, будучи во время Фронды коннетаблем Парижа, не дал конфисковать имущество временно эмигрировавшего Мазарини. Пал из-за своей заносчивости и гордыни, а также баснословным объемам финансовых махинаций.

(ни дать ни взять, очередной бездарный ставленник маркизы де Помпадур). Потому и от Минервы филин удостоился лишь унижительной колкости, когда павлину Юнона ответила гневной отповедью.

Ай да Буазар! Впору и его, острого на язык, описать фразой из Александра Сергеевича Грибоедова:

Не человек – змея!

Ибо если в предыдущей паре (даже тройке, если считать Перро) басен он заимствует сюжет тонко, то в следующей паре он мало того, что не собирається таиться, так еще и вместе с костяком сюжета перенёс в новое произведение и некоторые детали, дабы у читателя не оставалось сомнений о первоисточнике. Басни эти – «Дуб и тростник»⁴⁶ (*Le Chêne et le Roseau*, L.; I; XXII) и «Плющ и тростник» (*Le Lierre et le Roseau*; B.; II; XXI). А детали следующие:

Tout vous est Aquilon, tout me semble Zéphyr.

Всё для вас – Аквилон, мне ж всё – словно Зефир.

– у Лафонтена и

*Le secours des puissans, je te vois t'aterrer
Devant les Aquilons; sans te courber la tête*

---

⁴⁶ См. Приложения 29, 30.

Zéphyre ne peut respirer.

Пред сильными, видел я, как пал ты ниц

*Пред Аквилоном; без наклона твоей головы – что ты,
что ты! —*

Не задышит Зефир и тем более бриз.

– у Буазара; только что Кавказские вершины не помянул. А вот остальные детали подчеркивают различие эпох и требуют самого пристального внимания. Дуб кряжист, раскидист и основателен, а у Лафонтена благороден, ибо по-отечески жалеет тростник и сетует, что тот вырос не под его защитой. Вяз высок и изящен, словно юность, у Буазара приобретает некоторые материнские, женские свойства, ведь плющ то нежится во время ветра ветвях:

Bien sûr de mon appui, je m'endors dans ses bras.

У него на руках засыпаю с поддержкой такой.

Так как качать детей тогда еще была исключительно материнская функция, то напрашивается ассоциация: если дуб ассоциируется с вельможей времён Короля-Солнца (Фуке, Кольбер, Мазарини), то вяз более ассоциируется с фаворитками Людовика XV, определявшими кадровую политику двора, а плющ – это ставленник фаворитки. Конкретики добавляет образ рока-лесоруба (*un fatal Vûcheron*), срубивше-

го вяз. По хронологии получается, что басня писалась через некоторое время после смерти ранее упоминавшейся маркизы де Помпадур (графиня де Шатору умерла в год рождения Буазара, а Жанну Дюбарри казнили уже после Великой Французской Буржуазной Революции), стало быть, на роль плюща более всего подходит также упомянутый ранее Этьен Франсуа де Шуазель, после смерти маркизы стремительно теряющий влияние. Подобно тому, как памфлет на смерть Нерона, написанный в год четырех цезарей в Иудее⁴⁷, войдет в историю мировой литературы и религии как «Откровение Иоанна Богослова», более известное под названием «Апокалипсис» (без дураков, произведение силы чудовищной), так и памфлет-бытописание придворных мелких дрызг, выстоявшись, может войти в фонд великой литературы («Преступление и наказание» ведь тоже не детективный роман, верно?). Вот она, магия литературы: из тридцати с лишним букв творятся миллионы смыслов!

Для того чтобы заронить зерно сомнения, необязательно излагать все факты; ради создания аллюзии совсем не нужно воспроизводить сюжет: порой детали достаточно, чтобы вызвать однозначную ассоциацию. Если сравнение басен «Ласточка и птички»⁴⁸ (*L'hirondelle et les petits oiseaux*, L.; I; VIII), и «Западня» (*La pipée*, V.; II; XXVIII) или же «Лягуш-

---

⁴⁷ 69 год н. э. По другим данным «Откровение Иоанна Богослова» написано уже в правление Домициана (81–95 год н. э.)

⁴⁸ См. Приложение 32.

ка и крыс»⁴⁹ (*La Grenouille et le Rat*, L.; IV, XI) и «Полевка и водяная крыса» (*Le Rat des champs et le Rat d'eau*, B.; I; XIV) разумнее будет оставить читателю в качестве увлекательного интеллектуального упражнения, то о паре «Лягушки, просящие короля»⁵⁰ (*Les Grenouilles qui demandent un Roi*, L.; III, IV) и «Майский жук и земляной червь»⁵¹ (*Le Hanneton et le Ver de terre*, B.; III; XVII) хотелось бы поговорить отдельно.

Двойственное у меня отношение к этой басне и смущает следующая фраза:

Et la scène étoit à Versailles

И сцена была та в Версале.

С одной стороны, мало ли кто кого ел в Версале в 70-е годы XVIII века, и в общем и целом басня без всякого Лафонтена успешно ложится в парадигму порицания и осмеяния «вельможи в случае» (а майский жук ведет себя именно как баловень судьбы, везение своё обусловив своими личными качествами), но с другой стороны длинный клюв, кого-то съедающий, можно увидеть в Версальском лабиринте⁵², у фонтана № 26 – иллюстрации басни Исаака де Бен-

---

⁴⁹ См. Приложение 10.

⁵⁰ См. Приложение 4.

⁵¹ См. Приложение 2.

⁵² Лабиринт Версаля – бывший лабиринт в Версальском парке, оформленный группами фонтанов и скульптур, изображавших сцены из басен Эзопа. Сначала,

серада⁵³. Право, меня терзают смутные сомнения, а был ли тогда популярен Бенсерад, и не является ли та строка в конечном счёте отсылкой к басне Лафонтена, ибо в обеих баснях одна и та же мораль: меньше слов, больше дела. Ибо как хвастовство в сюжете Буазара, так и излишние жалобы у Лафонтена привели не к позитивному результату, а к плачевному финалу: склевали и коллективных Бобчинских с Добчинскими, и новообретенного Хлестакова.

Не только в тексте шифровал баснописец Галантного века отсылки на баснописца Великого⁵⁴ века; иногда отсылка зашифрована в самом названии.

Например, такая игра слов: «Две полевки» (Les deux Mulots, B.; I XV) и «Два мула»⁵⁵ (Les Deux Mulets, L.; I, IV). При всей разноте декораций и персонажей, на обе басни единая мораль «довольствуйся малым» – и схожее композици-

---

в 1665 году, архитектор парка Андре Ленотр спроектировал Лабиринт из простых аллей, но в 1669 году Шарль Перро посоветовал королю Людовику XIV добавить в него тридцать девять фонтанов, каждый из которых будет представлять одну из басен Эзопа. Работы по созданию Лабиринта продолжались с 1672 по 1677 год. Струи воды, несущиеся из ртов животных-персонажей, словно изображали разговор между этими созданиями. Рядом с фонтанами были размещены таблички с подписями и строфами поэта Исаака Бенсерада. Подробные описания Лабиринта, его басен и скульптур представлены в издании «Лабиринт Версаля» Шарля Перро, иллюстрированном гравюрами Себастьяна Леклерка. В 1778 году по распоряжению Людовика XVI на месте Лабиринта был устроен дендрарий с экзотическими деревьями в стиле английского парка.

⁵³ См. Приложение 3.

⁵⁴ XVII

⁵⁵ См. Приложение 11.

онное строение: богатый и бедный переживают несчастье, бедный выходит из положения с минимальными потерями, тогда как потери богатого почти несовместимы с жизнью (или они так плачутся). Менее очевидны, но более рельефны аналогии в паре «Олень, смотрящийся на себя в водную гладь»⁵⁶ (**Le Cerf se voyant dans l'eau**, L. VI; IX) и «Воздушный змей» (**Le Cerf-volant**, B.; II; VIII). Воистину, необходимо обладать изрядной фантазией, дабы найти в ткани обоих сюжетов объединяющую тонкую нить, но, право, не зря же Буазар играет в слова? Олень наслаждается бесполезной красотой, презирая непропорциональную утилитарность, за счет чего и платится:

*Nous faisons cas du beau, nous méprisons l'utile;
Et le beau souvent nous détruit.
Ce Cerf blâme ses pieds qui le rendent agile:
Il estime un bois qui luy nuit.*

*Дорожка красотой, пользу мы презираем;
Красота же нас губит частенько.
Ног стыдяся, что из беды его ране спасали,
Восхваляет рога на погибель олень.*

Воздушный змей ничего не выбирает. Он сам – бесполезная красота. И как же интересно написал Буазар, ведь в его басне кроется двоякая интерпретация: в качестве образчика

---

⁵⁶ См. Приложение 19.

бесполезной красоты можно признать и вельможу в случае, и революционную идею (напомню о консерватизме баснописца, не видящего разницы между революцией и бунтом), прекрасную, но при этом губительную (действительно, какой такой капитализм? Это же утопия! Нужно оставить дворянские привилегии, феодальное право и сословное общество). Будучи по меркам 1917 года октябристом⁵⁷, Жан-Жак Буазар подобно, пожалуй, Дени Дидро⁵⁸, выступал за незыблемую и разумную монархию, считая правление народа как минимум благоглупостью, как максимум – крамолой. Если же обсуждать идеи, а не людей, то мы опять видим, как преломляя лафонтеновы сюжеты, гений басни галантного века осовременивает мысли, придавая им новое звучание.

---

⁵⁷ Союз 17 октября («Октябристы») – умеренно правая политическая партия крупных землевладельцев, предпринимательских кругов и чиновников России, существовавшая в 1905–1917 годах. Партия представляла правое крыло российского либерализма, придерживавшееся умеренно-конституционных и антиреволюционных взглядов. Название партии восходит к Манифесту, изданному Николаем II 17 (30) октября 1905 года.

⁵⁸ Дени Дидро (5 октября 1713, Лангр – 31 июля 1784, Париж) – французский писатель, философ-просветитель и драматург, основавший «Энциклопедию, или Толковый словарь наук, искусств и ремёсел» (1751). Иностранний почётный член Петербургской академии наук (1773). Вместе с Вольтером, Руссо, Монтескьё, Д’Аламбером и другими энциклопедистами Дидро был идеологом третьего сословия и создателем тех идей Просветительного века, которые подготовили умы к Великой французской революции. Странник идей Просвещенного абсолютизма, считал идеальным государственным строем монархию, во главе которой стоит государь, вооружённый всеми научными и философскими знаниями.

Однако, если игра слов в названии еще способна навести на мысли о сходстве, то названия, совпадающие до буквы, могут оказаться и химерой, которой поверит наивный исследователь, рискующий похоронить неосторожным подходом своё реномэ. Возьмём, к примеру, пару «Волк и ягненок» (*Le Loup et l'Agneau*, L.⁵⁹; I; X; B.; I; I): лафонтенов крепостник, волк у Буазара становится шаромыжником, а робкий беспомощный и безропотный ягненок обнаруживает немалое упорство. Право, разбор одноименных басен Лафонтена и Буазара требует написания отдельной статьи и здесь, пожалуй, не стоит углубляться в разбор подобных казусов, дабы не превращать литературный сборник в сухой научный трактат.

Что же до нелафонтеновости Буазара – да, Буазар не Лафонтен: поэт, живущий в новое время, не может слагать песни старым стилем. Однако, невозможно создать новое, не изучив старого, иначе мы рискуем вслепую изобрести велосипед. Именно поэтому консерватор Буазар опирается на материал и идеи Лафонтена, подвергая их глубокой переработке и создавая новое. И это, конечно же, никакой не плагиат. Это – литература.

---

⁵⁹ См. Приложение 5.

Реакция в преддверии революции. Вступление переводчика к книге I

Как и любой процесс рождения, появление на свет новой социально-экономической формации – явление грандиозное и оттого пугающее. Революция и следующие за ней годы неустройства так сильно врезаются в память, что одновременно воспеваются и проклинаются современниками и потомками, а планомерно, массово и с холодной головой изучаются, пожалуй, только три-четыре, а то и более поколений спустя. Так было в V–VII веках, когда разлагалась Римская Империя и освободившаяся от гнёта гегемона Европа стала задыхаться в пыли переселения народов, страдая от войн, набегов, междоусобиц и вступая в феодальную эпоху мрачного средневековья. Нечто подобное происходило в 1917–1918, когда в горниле Гражданской войны и крестьянских восстаний выковывались контуры будущей ядерной сверхдержавы, на три поколения позабывшей о безработице, бездомных, повальном туберкулёзе, ипотеке и кредитных кандалах и прочих прелестях капитализма. Так было в 1789 году, когда сословная Франция содрогнулась от начавшейся Великой Французской Буржуазной Революции, сменившей элитарное золото на голубом поле на три цвета свободы, равенства и братства. И вот что интересно: при всей своей кро-

вавости (а революция унесла жизни трети населения Франции) и послереволюционном неустройстве, затянувшемся на добрый десяток лет (уж всяко побольше Гражданской войны на территории СССР), никто уж ныне не предлагает примирение, не призывает каяться за невинноубиенных Бурбонов и не вывешивает баннеры "Прости нас, Государь!", а наоборот, день взятия Бастилии (аналог нашего 7 ноября) – государственный праздник и поныне. Таким образом, Великая Французская Буржуазная Революция доказала временем свою как необходимость, так и правоту.

Как родам предшествует беременность, так и горячей фазе революции предшествует нарастание революционной ситуации, и здесь, так же как и при беременности, взгляды на процесс разнятся. Кто-то легкомысленно и недальновидно полагает, что рассосётся само, не видя за участвовавшими голодными бунтами и крестьянскими восстаниями тяжёлой поступи грядущей катастрофы. Некоторые, наоборот, прозорливо понимают, что движения не отменить, и сознательно возглавляют и направляют или исподволь присоединяются к движению народных масс. Иной раз и властьпридержащие, прозревая, пытаются смягчить удар или, ещё лучше, распылить народный гнев какой-нибудь косметической реформкой, что, как правило, не имеет действия в силу непонимания последними истинных причин революции. Бывают же и безумцы, что в происходящем видят эдакое искривление совершенного строя, а в революционных массах – ско-

пище восставшего хамья, которое следует сечь, держать и не пущать, кабы чего не случилось. Порой безумие сих реакционеров оттеняется их гениальностью; и ныне многие манипуляторы из поклонников позавчерашнего рая тычут в портрет пальцем и торжествуяще вопрошают: "Видите? Вот это-то вот, экий умница, а был против революции! А уж ума-то у него побольше, чем у некоторых! Она как писал!".

Собственно, один из таких умниц и стал центральным персонажем нашего сборника.

Жан-Жак Франсуа Марен Буазар родился 4 июня 1744 года в городе Кан, будущей столице французского роялизма⁶⁰, в семье адвоката. По наследству ему переходило место в местной коллегии адвокатов, однако молодой человек оказался куда способнее: в скором времени он становится секретарём местного казначейства, а в 1776 году – секретарём самого «Месье» – Людовика-Станисласа Ксавье, графа Прованского, впоследствии Людовика XVIII. Карьерный взлёт продолжался до 1790, когда оба принца, и будущий Людовик XVIII и будущий Карл X покинули объятую пожаром революции страну, проклиная восставшего хама и призывая на головы своих бывших подданных глад, мор и интервентов. Сам же великий баснописец покинул революционный Париж и вернулся в Кан, посвятив себя литературе.

---

⁶⁰ Пожалуй, косвенным, но красноречивым подтверждением данного тезиса является тот факт, что уроженкой города Кан является также Шарлотта Корде, убийца Марата.

Литературные таланты Жан-Жака Буазара начали проявляться с молодых ногтей: басни его стали печатать в ежемесячном издании *Mercure de France*⁶¹ в 1764 году и через некоторое время работы молодого дарования привлекли внимание критиков. В 1773 году в Париже увидел свет первый том его басен, в 1777 – второй. Третий том был напечатан уже в Кане, там же господин Буазар, овеянный славой член Академии наук, искусств и изящной словесности города Кан поставил точку в своей карьере баснописца, выпустив сборник "Тысяча и одна басня" и тем самым став самым плодовитым из французских баснописцев (для сравнения: Лафонтен написал 240 басен, Эзопу приписывают 426, а Иван Андреевич Крылов сочинил и перевёл 236).

Однако столь внушительное количество не привело к потере в качестве: басни Буазара высоко оценивал Вольтер в личной переписке с Дидро, а Якоб Гримм находил произведения баснописца хоть и наивными, но естественными и весьма разнообразными. Хвалебные рецензии на басни Буазара писали многие критики, поместив творчество прославленного баснописца выше произведений многих современников, а некоторые считали, что творчество данного поэта ближе всех к "золотому стандарту" французской басни – к стихотворениям Жана де Лафонтена (хотя сам Буазар всячески отрекся от подобного сходства).

---

⁶¹ *Mercure de France* (с фр. – «Французский Меркурий») – литературный журнал, издающийся в Париже с 1672 года (с перерывами).

По моему же скромному мнению Буазар интересен ещё и тем, что творчество его сочетает видовые признаки сменявшихся в то время стилей: уходящего классицизма, правившего бал сентиментализма и нарождавшегося романтизма (последний особо ярко проявился в басне "Дитя и воробей" (*L'Enfant et le Moineau*, XXVII), по ритму и поэтической форме весьма напоминающей стиль уже Генриха Гейне, да и тема свободы – верный признак романтизма в литературе). Язык Буазара не столь пластичен, как, к примеру, у Ваде, однако разнообразие сюжетов воистину поражает. Также подкупает и обилие иронии и всяческих эмфемизмов и метафор, как, например, в басне "Петушок и устрица" (*Le Cochet et l'Huitre*, XI), по содержанию как минимум хулиганской и даже откровенно порнографической, по форме же – весьма остроумной.

Коли начало положено, считаю не лишним разобрать и остальные, вошедшие в первую книгу первого тома басни гениального француза. Я полагаю, нет особой нужды говорить о консервативном, антиреволюционном характере басен Буазара, но модель и образ мысли порою куда интереснее выводов. Волнения и бунты по Буазару возникают из-за потери чувства меры и послушания у молодых и пассионарных людей, чьи крамольные мысли подстегивают откровенные подлецы. Таким образом темы моралей басен первой книги первого тома можно объединить в три большие группы:

1. Воспевание чувства меры. Пожалуй, наиболее ярко

и рельефно порицание неумеренности проявилось в басне "Улов"(La Pêche, XX), где девица Аннет, не сумев вовремя остановиться, лишилась улова, лески, крючка и ужины. Также в качестве вариации к воспеванию чувства меры можно отнести умеренность (" Попрошайка и мастиф" (Le Mendiant et le Dogue, XXII), "Заяц и черепаха" (Le Lièvre et la Tortuë, VII), "Две полевки" (Les deux Mulots, XV), скромность («Попугай и филин» (Le Perroquet et le Hibou, XXI)) и христианское смирение, мастерски описанное и прочувствованное в басне "Малиновка в клетке"(La Fauvette en cage, XXVIII); особенно подчеркивается заведомая порочность установки "хочу всего и сразу" (" Волк и агнец" (Le Loup et l'Agneau, I), "Дуб и липа" (Le Chêne et le Tilleul, XXX), "Полевка и водяная крыса" (Le Rat des champs et le Rat d'eau, XIV), "Орлёнок и ворон" (L'Aiglon et le Corbeau, V), "Петушок и устрица", «Силки» (Les Gluaux, XII)).

2. Из идей смирения и умеренности проистекает идея их манифестации вовне: чувство ранга ("Обезьяна при дворе" (Le Singe a la cour, XXVI), с её великолепной, не потерявший актуальности сентенцией

apprends qu'un Héros n'est jamais ridicule

не след над героем смеяться

– также "Петух и гусенок" (Le Coq et l'Oison, XXIV), «Полевка и водяная крыса» (Le Rat des champs et le Rat d'eau,

XIV) и ода непонятному массам элитному искусству "Соловей и кукушка" (Le Rossignol et le Coucou, III) и послушанием ("Жавороночка и её детки" (L'Alouette et ses Petits, VI), «Мышонок» (Le Souriceau, XVIII) и иллюстрация латинской пословицы "Праздность – мать пороков" в "Дитя и пчела" (L'enfant et l'Abeille, II)), а также исполнением долга ("Индийский кот" (Le Chat des Indes, XXIII)). Кроме того, вариацией чувства ранга является понятие родовой чести, и на двух баснях, где сие понятие затронуто, я хотел бы остановиться особо:

а) "Сиротки-ягнята и сиротки-волчата" (Les Agneaux et les Louveteaux Orphelins, XXIX) интересна явным библейским подтекстом: в ней как в калейдоскопе переливаются и Каин с Авелем, и история Хама, и прорицание об агнцах и козлищах. И именно здесь вскрываются начала родовой чести: всё сделанное тобой ещё аукнется твоим потомкам. Именно поэтому сторожевой пёс берет на поруки ягнят, а волчат ждёт тьма, плач и скрежет зубовой. Не менее мрачной, чем волчья чаща архаикой веет от басни, ибо понятие родовой чести (не следует путать с почитанием предков и интересом к истории семьи и рода) отмерло через некоторое время после падения феодализма и если сохранилось, то разве что в Англии среди потомственных рабочих завода Aston Martin. Однако мотив воздаяния детям после смерти жив и до сих пор.

б) "Шелкопряд и земляной червь" (Le Ver a soie et le Ver de terre, XIII) в некотором смысле является полной проти-

воположностью предыдущему примеру, как корни и плоды, старь и новь.

Если в «Сиротках» мы видим зарождение родовой чести, то в «Шелкопряде» уже результаты её; если «Сиротки» пронизаны библейскими отсылками, то «Шелкопряд» наполнен царившей тогда философской максимой о том, что природа сознательно движется к гармонии и процветанию, давшей начало теории эволюции Жана Батиста Ламарка. Сама теория Ламарка⁶² оформится только через 36 лет, но видимо нечто подобное уже витало к тому времени в воздухе и сквозило в статьях молодого естествоиспытателя (а Буазар и Ламарк были одногодками). Но на этом прозорливость басни не заканчивается, несмотря на ошибки, подлог и огрехи с биологической точки зрения, такие как:

- доказанная позже несостоятельность теории эволюции Ламарка;
- некорректное сравнение одного вида в развитом состоянии и стадии развития другого вида;
- непонимание (хотя этот подлог большее пророчество, чем многие откровения) биологической роли дождевого червя и тутового шелкопряда. Последний, несмотря на произ-

---

⁶² Эволюционная теория Ламарка – учение, согласно которому все живые организмы стремятся к прогрессу, развиваясь от простого к сложному. Таким образом, организмы целесообразно изменяются, приспособляясь к условиям окружающей среды. Такие изменения вызываются непосредственным влиянием окружающей среды, упражнением организмов и наследованием потомками приобретенных при жизни признаков.

водство шелковых нитей – самый что ни на есть паразит, объедающий тутовое дерево, выросшее не в последнюю очередь благодаря тому, что дождевой червь взрыхлил и удобрил почву. Но сказав факты, Буазар очень точно вскрыл отношение класса паразитов к эксплуатируемому классу. И как тогда для Буазара рабочие и крестьяне были грязными червями, и как для Бунина (ещё один литературный гений пополам с политическим олигофреном) сплошь беглыми каторжниками⁶³ (как после этого пасквиля можно считаться человеком – большой вопрос), так и для нынешних паразитов – от безголосой певички до бессовестного олигарха, от стримерши Карины до "кормившей весь СССР" Лаймы Вайкуле есть для трудового класса характеристики только типа «быдло», "нищоброды", «неудачники», "алкаши", которые якобы "живут за счёт наших налогов"; и, конечно же, эти чистоплюи на чисто забыли, – или делают вид, что не понимают, – что экономику вывозят на потных плечах трудяги, производя материальные ценности этими самыми мозолистыми грязными руками в земле, саже, ржавчине и мазуте. Да этим работягам в ноги кланяться надо, а не помоями с экрана поливать! В общем лживое пророчество, показывающее всю изнанку дворянской чести, сказка про славное прошлое, оставшаяся

---

⁶³ "Лица у женщин чувашские, мордовские, у мужчин, все как на подбор, преступные, иные прямо сахалинские. Римляне ставили на лица своих каторжников клейма: «Cave furem». На эти лица ничего не надо ставить, и без всякого клейма все видно." (И. Бунин. "Окаянные дни")

в постаринном⁶⁴ будущем – такое у меня впечатление от этой басни.

Кстати, Иван Бунин сходен с Буазаром не только в отношении к народу, но и в отношении к революционерам и описании оных.

3. Антиреволюционные басни.: сравните характеристику революционеров из бунинских "Окаянных дней"⁶⁵ и образы революционеров (суть смутьянов и заговорщиков) в баснях реакционного француза! И "Египетские боги" (*Les Dieux D'Égypte*, XVII), и «Пауки» (*Les Araignées*, VIII; сравните с главой "О тарантулах" из произведения Фридриха Ницше "Так говорил Заратустра"), и образ волка в басне "Волк и ягненок" (*Le Loup et l'Agneau*, I) – и даже унижительный образ козла в басне "Пес и козёл" (*Le Chien et le Bouc*, XIX) – воистину, баснописец оттоптался на образе революционера от души: и шаромыжники они, и не хотят жить по миру, и только языком молоть горазды – не напоминают ли подобные характеристики описания членов кружка Верховенского-младшего в романе «Бесы» Фёдора Михайловича Достоевского? Ни в коем разе не пытаюсь сравнивать психологизм великого русского писателя и классическую схематичность фран-

---

⁶⁴ От выражения «по старине».

⁶⁵ "Перед нами компания авантюристов, которые ради собственных интересов, ради промедления еще на несколько недель агонии своего гибнущего самодержавия, готовы на самое постыдное предательство интересов родины и революции, интересов российского пролетариата, именем которого они бесчинствуют на вакантном троне Романовых.»

цузского ретрограда, хотел бы подчеркнуть только общность их охранительских идей и спросить в пространство: а не является ли антиреволюционная ирония Буазара отражением панического страха Достоевского перед бунтом? Впрочем, оставим этот вопрос: слишком велики очертания колосса по правую руку и, надеюсь, другими исследователями будет написано немало диссертаций и монографий на эту тему. Нам же пора двигаться дальше.

Неупомянутые пять басен можно подразделить на две категории: гуманистические ("Человек и осёл" (L'Homme et l'Âne, XXV), "Лев и обезьяна" (Le Lion et le Singe, IX), "Лоза и вяз" (La Vigne et l'Ormeau, IV) и в какой-то степени "Дитя и воробей") и сравнительно-противопоставительные ("Слон и мышь" (L'Éléphant et le Rat, XVI), "Собака и кошка" (Le Chien et le Chat, X)).

Как видно из описания, разнообразие тем и сюжетов действительно поражает.

Я считаю, что ни у кого не вызовет удивления, что Буазар в 1800-х был популярен и в России: в 1806 году почти все собрание сочинений перевёл на русский Иван Иванович Дмитриев, тот самый Дмитриев, который в том же 1806 посоветовал тогда ещё малоизвестному драматургу-сатирику Ивану Андреевичу Крылову перевести три басни Лафонтена. Какой вклад в литературу был сделан после этой просьбы, я думаю, говорить не стоит. Будущий министр юстиции Иван Иванович прекрасно понимал, что басни Жан-Жака

Буазара идеальны для России периода расцвета абсолютизма, напуганной недавней пугачевщиной и кровавыми слухами о французской смуте. Однако со временем утерялись и переводы Дмитриева, и сами басни Буазара. Всё, что можно найти сейчас – несколько басен в переводе Дмитриева и два тома самого Жан-Жака Буазара, хотя я не теряю надежды на то, что столь обширное наследие не утеряно для нас навсегда.

И я бы, право, не стал сильно разносить басни Жан-Жака Буазара, ибо если отринуть классовую составляющую, то посыл у басен неплох, разумен и весьма актуален: будь скромн и терпелив, не верь ложным ценностям, понимай собеседников, будь вежлив, – эти советы актуальны и ныне вне зависимости от того, пролетарий ты или буржуа, монах или интеллигент. Не в последнюю очередь заблуждения Буазара продиктованы тем, что науки (в том числе и гуманитарные) ещё не сделали тот скачок, результатом которого является нынешний уровень знаний о природе и человеке: ни Дарвина, ни Менделеева, ни Лобачевского, ни Сеченова, ни Мечникова, ни Пирогова ещё не родилось, да и гуманитарным наукам только предстояло пройти свой путь и дать понимание, чем же смута отличается от революции.

Если не жестокой шуткой, то как минимум горькой иронией служит тот факт, что ярому монархисту Буазару довелось наблюдать июльскую революцию 1830 года, ознаменовавшую окончательное падение абсолютной монархии во

Франции, десакрализацию королевской власти и размытие сословных границ. Такую личную трагедию Буазар уже пережить не мог и через три года, 10 октября 1833 умер в Кане, всеми покинутый и забытый. Я более чем уверен, что несмотря на косность мышления обладающий живым умом Буазар все равно пытался как-то понять причины падения казалось бы идеального строя и почему после этого небо не упало на землю... Но умирая, он не знал, что в Германии этими же вопросами (хотя и под другим углом) уже задавался 15-летний гимназист Карл Маркс, который на них обязательно ответит, создав своё всесильное – поскольку верное – учение⁶⁶.

---

⁶⁶ "Учение Маркса всесильно, потому что оно верно." (В.И. Ленин. "Три источника и три составных части марксизма", 1913).

Книга I

Пролог

Отважный невольник, что многих верней
Зерцалом служил для грехов королей;
Икона для града, чьей жертвой он пал⁶⁷;
Карающий бич дураков и злодеев,
Эзоп меня тонкостям сим науцал,
Как смыслом слова наполнять не жалея.
Раб остроумный, чья муза изысканно
В строку уложит мысль старца фригийского⁶⁸,
Федр да поправит мои излияния,
Образу кистью придав обаяние.
Смешавшие слёзы с волной Иппокрены⁶⁹,
Вы, что по сей день продолжали шептать
Над скорбной могилею Лафонтена,
О Грации, к вам ныне смею звать:
Хоть быть я в фаворе у вас недостоин,

---

⁶⁷ Имеется в виду город Дельфы, где Эзоп был приговорён к смертной казни.

⁶⁸ Согласно средневековым источникам, Эзоп происходил из Фригии; в античности считалось, что Эзоп происходил из Фракии.

⁶⁹ Иппокрена – священный источник на вершине горы Геликон в Беотии, по сказанию, забивший от удара копытом крылатого коня Пегаса. Для муз он был источником вдохновения.

Как был бы я вашим избранником милым,
Что вашей любовью бы мироточил;
Но если б молящему дали вы толику,
Чтоб образ причудливый вообразил —
Улыбок своих – то читатель влюблённый
Огрехи в стихах мне простит благосклонно.

Prologue

Esclave Généreux, toi qui sus autrefois
Présenter le miroir aux passions des Rois;
Idole du pays dont tu fus la victime;
Redoutable fléau des pervers et des sots,
Ésope, enseigne-moi cet art simple et sublime
De prodiguer le sens en ménageant les mots.
Esclave ingénieux, dont la muse polie
Adoucit les leçons du fage de Phrygie,
Phèdre, corrige mes essais,
Peintre doux et correct, achève mes portraits.
Vous qui mêlez vos pleurs aux ondes d'Hippocrène,
Vous qui n'avez encor cessé de soupirer
Sur le tombeau de la Fontaine,
O Graces, aujourd'hui j'ose vous implorer:
Je n'attends point de vous ces faveurs singulières
Qu'au plus chéri de vos amans
Prodigua votre amour en de plus heureux tems;

Mais si vous exaucez de plus humbles prières,
Dans ces peintures mensongères
Souriez quelquefois; le lecteur amoureux,
De leurs nombreux défauts détournera les yeux.

I. Волк и агнец⁷⁰

Робан⁷¹, учтивый барашек,
Мучим чахоткой нещадно,
Сидел на диете (молоко с кашей),
Присматривал за овчарней.
Узнавший об этом волк
В калитку скребётся уже:
– Как здоровье у сторожей?
Не слишком ли воздух спёрт?
Не люб, – подвывает он, – же
Простуженным этот комфорт:
Я сделал чудесное средство,
Что, право, вкусней, чем чабрец,
Даю слово, избавит от них,
От твоих хворей грудных:
Робашик, я лишь войду —
И вмиг ту болезнь изведу.
Ни тебя, ни овечьего мяса
Не хочу я ни в коем разе,
Лишь лекарство заботливо дам...
– Спасибо, – ответил Робан,

---

⁷⁰ Сравните с басней Жана де Лафонтена «Волк и ягненок» (см. Приложение 5).

⁷¹ Прозвание Робан для барана, как и Жиль для обезьяны, – французская литературная традиция, берущая свои корни ещё с XIV века.

– Хотя в загоне всё хуже мне и больней,
Лучше так, чем снаружи в опасности,
Коль вы, волк, хотите меня спасти,
Тогда будьте любезны, уйдите скорей.

Le Loup et l'Agneau

Robin, gentil moutonnet,
Menacé de pulmonie,
Par régime étoit au lait
Et gardoit la bergerie.
Le Loup en fut informé;
Il va gratter à la porte:
Comment est-ce qu'on se porte?
N'est-on point trop renfermé?
Est-il dit que l'on ne forte
Si-tôt qu'on est enrhumé:
Je fais une herbe divine,
Plus douce que serpolet,
Dont je garantis l'effet,
Pour tous les maux de poitrine:
J'y menerai Robinet,
Et vous le guérirai net.
De l'avis ni de l'escorte
Je ne veux en nulle sorte,
Du garde et du médecin

Grand merci, reprit Robin;
Dussé-je mourir au gîte,
J'en préfère le danger:
Si le Loup veut m'obliger,
C'est de s'en aller bien vîte.

II. Дитя и пчела

С пылом, с которым ничто не сравнится,
Решило дитя с пчелой порезвиться.
Спросите меня, почему? – для плезиру то было:
За неимением лучшего, дурно малец поступает,
Опять же, как прочие люди, досуг заполняя.
За художества эти щедро фортуна ему отплатила:
Пчела, как всегда в своём стиле,
Жалом своим, которым её наградила природа,
Мальца поразила, а после сама удалилась.
Но жало своё смертоносное забыла во теле сынка
человечьего рода;
И рана сия здравие зело подкосила:
Несколько дней кряду дитяtko при смерти было.
Мечь сладка, порой говорят,
Но сколь жесток результат!

L'enfant et l'Abeille

Avec une ardeur sans pareille,
Fanfan poursuivoit une Abeille.
Demandez – moi pourquoi: c'étoit pour son plaisir:
Fanfan, faute de mieux, s'amusoit à mal faire,

Et déjà, comme un homme, occupoit son loisir.
De ses mauvais desseins il reçut le salaire:
L'Abeille alors de se servir
De ce dard dangereux dont l'arma la nature,
De se venger et de s'enfuir.
Mais l'aiguillon fatal resta dans la blessure;
Ses jours en dépendoient, il en fallut périr.
Au bout de quelques jours, sur le point de mourir:
Que la vengeance est douce, disoit-elle,
Mais que la suite en est cruelle!

III. Соловей и кукушка

Одинокая Филомела⁷² весной
Зорьку утреннюю привечала
Мелодичным акцентом сначала...
Прилетела позже кукушка примешать голос свой.
После же, когда птицы сгрудились,
Голоса меж соперниками разделились:
Кукушке многие воздали честь:
Аист, страус, сорока, а также журавль,
Воробышек стайка – знатоки, как есть! —
На болоте слетелися шумною стаей...
Соловью же, напротив, весьма мало лести:
Но в поклонниках жаворонок несравненный
Утончённый чиж, слух малиновки верный.

Le Rossignol et le Coucou

Philoméle, du Printems
Saluoit la première aurore.

---

⁷² Филомела – персонаж древнегреческой мифологии, дочь царя Афин Пандиона и Зевксиппы, сестра Прокны, Эрехтея и Бута. Чтобы избежать преследований Тереея, своего мужа, превратилась в ласточку в городе Давлиде (в другом варианте – в соловья). Здесь троп соловья. Подробнее см. Приложение 33.

Aux accens de la voix sonore
Le Coucou vint mêler ses burlesques accens.
Auprès d'eux à l'envi les oiseaux s'attroupèrent;
Entre ces deux rivaux les voix se partagèrent.
Le grand nombre au Coucou déféra les honneurs,
La Cigogne et l'Agasse et l'autruche et la Grue,
Un essaim de Moineaux, soi-disant connoisseurs,
Sans compter des marais la bruyante cohue.
Philomèle, au contraire, eut peu d'admirateurs;
Mais de ce noibre étoient la sublime Alouette,
Le Serin délicat, et la tendre Fauvette.

IV. Лоза и вяз

Лоза бесплодной стала как-то раз,
И без поддержки уж зачахла было:
– Я всё же поддержку изо всех сил,
Хоть не несу плодов, – промолвил вяз.

La Vigne et l'Ormeau

La Vigne devenoit stérile,
Dépérissant, faute d'appuis:
Si par moi, dit l'Ormeau, je ne porte aucuns fruits,
Je soutiendrai du moins un arbuste fertile.

V. Орлёнок и ворон

Орлёнок, что сумел глаза открыть,
Тотчас же возжелал в эфире воспарить.
Воодушевлён советом матери слепой,
Наш несмышлёныш наобум шагнул – прощай же, дом
родной!
Но преждевременных потуг его
Каков эффект? Увы! Падения позорные,
Склон, галька и кульбит невольный скорый;
И вот, в пылу отчаяния своего,
Птенец, о камни до крови побит,
Решил, что никогда не полетит.
– Ах, самонадеянный орлёнок, —
– промолвил старый ворон, – дело в том,
Что просто так не полететь с пелёнок,
А сам ты должен стать суметь орлом.
Но чтоб на крыльях в небесах летать,
Не смей ты никогда их опускать.

L'Aiglon et le Corbeau

Un jeune Aiglon à peine avoit les yeux ouverts,
Qu'il vouloit planer dans les airs.

Pousse par les conseils de son aveugle mère,
L'imprudent au hasard s'élance de son aire.
De son effor prématuré
Quel fut l'effet? Hélas! Une honteuse chûte.
De rochers en rochers le pauvre culebute;
Et le voilà désespéré,
Couvert de blessures cruelles,
Et perdant pour jamais l'usage de ses ailes.
Un vieux Corbeau lui dit: Aiglon présomptueux,
Tu te croyois un Aigle, et ne fais que de nâître.
Tes aîles auroient pu te porter dans les cieux;
Mais tu n'as pu les laisser crâître.

VI. Жавороночка и её детки⁷³

Мама-жавороночка наказывала деткам:

– Округа наша полнится врагами:

Боимся все их силы, вероломства.

И ястреб нашей жизни угрожает,

Ловец желает заточить нас в клетку.

Поверьте, детки, мне, и вам спокойней,

Останьтесь подле матери вы в стерне.

А коли упорхнёте с колыбели,

Найдёте вы, как ваш отец, наверное,

Иль смерть в когтях, иль заточенье.

Разумную речь ту нашли весьма скучной, пожалуй,

А выросши, вздумалось им, что маманя помешанной
стала,

Что чушь это всё, и мораль та наводит хандру.

То время другое; иную опасность несёт.

Может, и надо б зарыться, чтоб смерти нарушить игру,

Но к чему пресмыкаться, коль крылья зовут в полёт?

Как воздух рассекли их пыл и страсть,

Один помчался ввысь, другой кружил в полях,

И кончил тот у ястреба в когтях,

Второй же в клетку угодил. Напасть!

Так, несмотря на матери безумный крик и страх,

---

⁷³ Сравните с басней Лафонтена L'Alouette et ses Petits avec le Maître d'un champ, Приложение 6.

Тот пойман был в ветвях, а этот – в небесах.

L'Alouette et ses Petits

Mère Alouette un jour disoit à ses petits:
Nous sommes entourés d'un inonde d'ennemis:
Craignons tout de leur force ou de leur perfidie.
L'Autour menace notre vie,
Et l'Oiseleur en veut à notre liberté.
Croyez-moi, mes enfans, pour plus de sûreté,
Demeurez sous le chaume, auprès de votre mère.
Si vous quittez votre berceau,
Vous trouverez peut-être... Ainsi que votre père...
Ou la prison, ou le tombeau.
Ce discours bien sensé fut trouvé bien frivole;
Les petits étoient grands: Oh! maman devient folle,
Elle radote, au moins, et sa morale endort.
Elle a pour les dangers des ressources nouvelles.
Il faudroit s'enterrer pour éviter la mort;
Ce seroit pour ramper que l'on auroit des aîles.
Et puis de fendre l'air au gré de leur ardeur;
L'un prend un vol errant, l'autre un essor sublime;
L'un de l'Autour est la victime,
L'autre esclave de l'Oiseleur.
Malgré les cris perçans de leur mère éperdue,
L'un se perd dans les bois, et l'autre dans la nue.

VII. Заяц и черепаха⁷⁴

Стал задирать косою черепаху: «Кумушка, – ей говорит,

—

имею намеренье я вызвать вас на состязанье;

К призу особенному у меня притязанье

Причём для того не придётся мне даже быстрее ходить».

– Ужели намерение ваше, как вы говорите,

Бросить мне вызов? Ну, как хотите.

– Однако поверьте, чтоб вы могли прибавить ваш шаг

И честь свою окончательно не потерять,

Извольте на время домик ваш снять,

Ведь к бегу он не приспособлен никак.

Внемлите совету покорного слуги;

Как друг вам скажу, вам будет куда как легче.

С другой стороны, ужели не приютит

Ваш панцирь всех, кому так нужно убежище?

Я б маленьким домом его окрестил...

Никак вы унылая домоседка,

Что из тюрьмы появляется редко.

Но этой ночью придётся всё ж панцирь вам снять.

Лапы повыше: дом постарайся сорвать,

Так распрямись же, старуха, расправься быстрее-ка!

Черепаха же, вытянув шею,

---

⁷⁴ Логическое продолжение басни Жана де Лафонтена Le Lièvre et la Tortue (см. Приложение 7).

Отвечает: «Вы, батенька мой, скоморох;
Всё острите, что к панцирю-де я присохла,
Но моя ль то забота – ваша затея?
Вы не я, а к чему вам сотня домов?
И скандалить у вас много поводов,
Мне так видится также и прочных, и крепких...
Только сон ваш везде весьма беспокоен,
Дрожь за шкуру вам будет вечной соседкой,
Я ж везде уверена и довольна».

Le Lièvre et la Tortuë

Le Lievre à la Tortue insultoit: ma commère,
Lui dit-il, on prétend que vous avez jadis,
A la course; sur moi remporté certain prix,
Sans alonger beaucoup votre pas ordinaire.
Qu'en dites-vous? Vous sentez-vous d'humeur
A renouveler la gageure?
Mais, croyez-moi, pour hâter votre allure,
Et ne pas compromettre aujourd'hui votre honneur,
Laissez, pour un moment, votre toit en arrière,
Votre attirail n'est pas celui d'une courrière.
Profitez de l'avis de votre Serviteur;
Je vous parle en ami, vous en serez plus leste.
Autre part que chez vous ne pouvez-vous gîter?
Dans tous les environs j'ai des gîtes de reste,

En petite maison je prétends vous traiter...
Ce n'est pas comme vous, dolente casanière,
Qui dans un même trou languillez prisonnière.
Mais cette nuit pourtant il vous faut découcher.
Haut le pied: à ton toît tâche de t'arracher,
Dégourdis-toi, vieille sorcière.
La Tortue alongeant le cou,
Repartit: Vous raillez, voltigeur, mon compère;
Si je ne quitte pas mon trou,
Aussi ne m'y trouble-t-on guère.
Bien différent de moi, vous avez cent maisons?
Pour déloger souvent vous avez vos raisons,
Que je crois toutes assez bonnes...
Compère, mon ami, ton sommeil n'est pas pur.
Dans tous tes gîtes tu frissonnes;
Je n'en ai qu'un, mais il est sûr.

VIII. Пауки⁷⁵

Паучиха, ткачиха искусная,
Характер имела к тому весьма гнусный.
Когда обнаружилось, что тонкую нить
На пользу себе мы б могли применить,
Собрали премного прядильщиц изрядных —
Те дамы все были как есть плотоядны:
Без счёту давалось им мошкары,
Клопов, земляных червяков и тли;
Думалось, что пожелают свершить они чудо.
Но их заботою стало грызть глотки друг другу;
И всё, что дано из затеи нам вынести этой —
Урок, которым не может пренебрегать беззаветно
Монарх, коли он прослыть средь потомков искусным
желает:
Злодеи, кроме как вздора, ничего боле не знают,
Не ждите добра, когда соберутся они —
Их надо рассеять ради блага людей и страны.

Les Araignées

---

⁷⁵ Сравните с образом социалистов у Ф. Ницше ("Так говорил Заратустра: книга для всех и ни для кого", часть II, гл. VI, текст 1 см. Приложение 8).

L'Araignée, habile ouvrière,
Unit à son talent un méchant caractère.
Quand on eut découvert que son fil délié
Utilement pour nous pourroit être employé,
On réunit en corps nombre de filandières.
Ces Dames de tout temps ont été carnacières;
On leur fournit des Moucherons,
Des Vermisseaux, des Pucerons;
On croit qu'elles vont faire à l'envi des merveilles.
Leur unique souci fut de s'entr'égorger;
Et tout le fruit qu'on tira de leurs veilles,
Ce fut cette leçon, que ne peut négliger
Le Monarque, s'il est habile:
Les méchants n'ont souvent qu'un talent inutile;
N'attendez rien de bon de leur corps réuni,
Il faut les disperser pour en tirer parti.

IX. Лев и обезьяна⁷⁶

Король зверей, геройством знаменитый,
Любовью к правде, но всего же боле
Прозваньем Александр⁷⁷, так гласит история,
Изволил, чтоб властитель именитый
Запечатлён был Жилем для потомков.
И Александр-зверь
Художника, увы, не впечатлил;
Хоть мненьем тот своим и обладал,
Однако ж полагал,
Что мудрый царь художников, своих вассалов,
Когда б искусством вдохновился,
Имел бы целый двор, поверь.
Тогда бы Жиль
У тех художников сюжет сыскал,
О подвиге, который короля бы украшал,
И царь в апофеозе б славы был.
Все мнения собрав,
Жиль выяснил, что царь когда-то жизнь оставил
Мышонку, что по глупости да из норы отправясь,
На горе в царских ощутил себя когтях.
Сие открытье всех как громом поразило:

---

⁷⁶ Продолжение басни Лафонтена Le Lion et le Rat (см. Приложение 9).

⁷⁷ Намёк на Александра Македонского; аналогии с басней Лафонтена «Дань зверей Александру» считаю излишними.

Народ ликует и взволнован двор.
«Ужель то наш король?» – все обратили взор.
А Жиль, что тонкий штрих увидет в силах,
Смысл тайный отыскал,
Что лев не мимолётной славы жаждал,
А выбрал путь в историю однажды.
Жиль в студию вбежал,
Иной портрет он мигом написал:
Там Лев-король, роскошную свою взъерошив гриву,
В пыли терзал поверженного тигра.
Монарх промолвил: «Вряд ли это я,
Но так, – сказал он, – пусть узнают короля».

Le Lion et le Singe

Un Roi des animaux, fameux par mille exploits,
Ami de la vertu, mais sur – tout de la gloire,
Alexandre de nom et d'effet, dit l'histoire,
Permit que du plus grand des Rois,
Gille – Appelle transmît les traits à la mémoire.
L'Alexandre des animaux
N'inspira point le Peintre, ainsi qu'il est d'usage;
Car bien qu'il eût du goût, il croyoit, en Roi sage,
Que les artistes, ses vassaux,
Quand il s'agissoit d'arts, en avoient davantage.
Gille, dans cette occasion,

Consulta les sujets, en peintre de génie:
Quelle étoit de leur Roi la plus belle action?
La plus belle, à leurs yeux, ou la plus applaudie?
Tous les avis considérés,
Gille représenta le Roi donnant la vie
Au Rat, qui de son trou sortant à l'étourdie,
Se trouvoit, par malheur, sous les ongles sacrés.
Ce chef – d'oeuvre enchantoit les juges éclairés,
Le peuple l'admira; la cour en fut émue.
Le Roi ne le fut point; il détourna la vue.
Et comme Gille étoit habile observateur,
Il comprit, non pas
Qu'Alexandre Lion jugeoit que pour la gloire
On auroit pu choisir un autre trait d'histoire.
Il se remet à l'atelier,
Fait un nouveau portrait différent du premier:
Ici le Roi Lion hérissant sa crinière,
Au Tigre rugissant fait mordre la poussière.
Le Monarque dourit: J'ignore si c'est moi;
Mais à ces traits, dit – il, on reconnoît un Roi.

Х. Собака и кошка

На всех проходящих наш лает Фидель,
И всех будоражит его громкий лай —
Вот так, никого никогда не кусая,
Всех держит в страхе брехливый кобель.
Но под своею наружностью шумной
Прячет Фидель своё мягкое сердце,
Прячет свою он бесценную душу.
Пёс для друзей – воплощение нежности:
Он с благодетелем смирный и скромный,
Тайны хозяйской вовек не нарушит,
И к утешенью хозяйки послужит.
Котейка же сладко мурчит у ножек хозяйских,
Трётся, закатывает глазки:
Но в глубине этих глаз блестит огонёк.
Прежде чем приласкаться, потрётся:
Мягкостью шёрстки пушистой своей
Поманит за ушком погладить ей.
Но кошка – зверь дикий: начни доверять —
А она лапой когтистою хватить!

Le Chien et le Chat

Fidèle aboye à tout venant;
Ses cris aigus révoltent tout le monde,
Et, sans avoir donné le moindre coup de dent,
Il est craint par – tout à la ronde.
Sous ces bruyans dehors, Fidèle cependant
Cache un bon cœur, une belle ame.
Il est tendre pour ses amis:
Près de ses bienfaiteurs il est humble et soumis,
Et, sans trahir Monsieur, il fait plaire à Madame.
Minette, d'un ton doux, miaule aux pieds des gens;
Elle roule des yeux
Mais brillans d'une douce flamme.
Près de vous doucement elle vient se frotter:
Sa peau doucette à la flatter
Semble même vous inviter.
Fiez-vous-y; la bête scélérate
Plus vite que l'éclair vous lâche un coup de patte.

XI. Петушок и устрица

На берег как-то вышел петушок.
Гуляка, мот, судьбы любимец юный.
Из недр империи Нептуна
Уж не один трофей добыть он смог;
Теперь поёт он доброй тысяче птиц
О своей жизни, приключений полной,
О чудесах, что скрыл в себе двор скотный,
Вдруг, повернув главу, увидел: бриз
Вкушает устрица, свои раскрывши створки.
– Ты кто? – певец заквохтал удивлённый. —
– Жить или нежить? Зверь ты или рыба?
Но совершенство форм твоих напрасно,
Когда ты молчалива:
И как бы ни был я в тебя влюблённый,
Твоё безмолвье, скажем откровенно,
К желанью добавляет подозренье,
И ничего я не могу желать столь страстно,
Как способ изыскать
Тебя познать.
И в возбуждении он главой стремится
Проткнуть бедняжку будто, но коснулся
Лишь мякоти – как устрица втянула
Плоть юноши – и клюв того закрылся.
Друг мой, коль между строк читать умеешь,
То стих сей без труда уразумеешь.

Le Cochet et l'Huitre

Un Cochet s'émancipant,
Sur les bords de la mer alla chercher fortune.
De l'Empire de Neptune
Il aborde maint habitant;
A mille oiseaux divers il conte en un instant
Ses aventures sans pareilles,
Et de la basse – cour leur prône les merveilles.
Il aperçoit une Huitre ouverte et humant l'air;
Oh oh!.. quel être es-tu, lui dit – il? Es-tu chair
Ou poisson? Mort ou vif? Ta figure est jolie;
Mais, si tu ne dis mot, j'ignore ton génie:
Ce silence, à vrai dire, est un peu bien suspect
Je ne sais qu'un secret pour connoître ma bête...
Déjà pour percer l'Huitre il avançoit la tête;
Mais l'Huitre se resserre, lui ferme le bec.
Ceci n'est point fiction toute pure;
De tel qui lit ces vers j'ai conté l'aventure.

ХII. Силки

Ветр северный всех птиц сгубить решил
И землю льдом и снегом он покрыл.
Распутник-шалунишка, воробей,
Что от тоски и хлада умирал,
Уж боле о любви и не мечтал.
Силки стал мастерить люд-лиходей,
Приманку не забыв рассыпать сладкую коварно —
И тут же мелких птах народ слетелся жадный.
Господь же попустил накрыть сей стол;
Воистину, любой запутаться бы смог
В силках тех, но Всевышний уберёт;
Из спорых хитрецов пернатых всяк ушёл.
И лишь один остался: тот в силки попал
Из-за пера; смеялся он навзрыд,
За ужин званый волей заплатив.
От этого он всё же унывать не стал,
Когда ж ловец домой тот возвратился,
Сказал ему один из шайки паразитов:
«Приманки замечательны твои хоть,
Но среди сотен сот неблагодарных
Один простак в силках лишь очутился!»

Les Gluaux

L'Aquilon, des oiseaux avoit juré la perte;
De neige et de glaçons la terre étoit couverte.
Le plus libertin des Moineaux,
Mourant de froid et de misère,
A ses tristes amours alors ne songeoit guère.
L'homme prit ce moment pour tendre ses Gluaux,
Non sans répandre autour une amorce perfide,
Ou vient fondre aussi-tôt maint Oisillon avide.
Dieu fait quelle chère on fit là
Bien est-il vrai qu'on s'empêtra
Dans la Glu, mais on s'en tira;
Le traître accourut'vîte, et chacun s'envola.
Un seul demeura pris, tout le reste en fut quitte
Pour quelque plume, et fe moqua
De qui fit les frais du gala.
A ses dépens on s'égaya,
Quand on fut de retour au gîte.
Un d'eux lui dit, au nom du troupeau parasite:
O toi, dont les bienfaits ne sont que des appâts,
Tu n'as fait qu'une dupe, et tu fais mille ingrats!

ХІІІ. Шелкопряд и земляной червь

Вот гад счастливый! Воздух рассекает!
Вчера мне ровня, а теперь летает.
Видал того ткача – птенец новообразный,
Что на крылах своих поднялся триумфально!..
У солнца он займёт одежду и сиянье;
Был червь презренный – станет бабочкой прекрасной!
Так червь земляной, в трудах и в грязи,
О бывшем соседе своём, шелкопряде
Ворчал, на судьбу обновлённую глядя.
– Завидно тебе от моей стези? —
ответил крылатый. – А я без того себя помню,
Как юность я тратил, чтоб свою силу взрастить,
Тогда как в грязи ты валялся, всякий потеряв стыд,
И счастье себе находил в сладострастьи порочном,
нескромном;
Я знаю, чтоб грех первородный исправить,
Трудился я с первого жизни момента;
И мылом и потом я сущность пытался отдраить,
И вот весенним трудам я радуюсь летом.
Ужели я должен теперь своими благами,
Как думаешь ты, обязательно подавиться?
Нет! Помни, что сладость полёта с иным сравнится едва
ли,
И как же бесценно формою крыльев своих насладиться!

Le Ver a soie et le Ver de terre

Il fend l'air, cet heureux reptile!
Il étoit mon égal; le voilà volatile.
Je l'ai vu tisserand, ce nouvel oisillon,
Qui s'élève aujourd'hui d'une aile triomphante!..
Il déploie au Soleil sa robe étincelante:
Il fut un Ver obscur ce brillant Papillon!
Ainsi le Ver de terre, à la douleur en proie,
De son voisin le Ver à soie
Contemploit les destins nouveaux.
Est – ce à toi d'envier le prix de mes travaux,
Reprit l'insecte ailé? Je me souviens sans cesse
Qu'à mériter mon fort j'ai passé ma jeunesse;
Tandis que dans la fange enfoncé sans pudeur
Dans un honteux loisir tu mettois ton bonheur;
Je sais qu'à réparer le tort de ma naissance
J'employois mes premiers momens;
Par d'utiles sueurs j'épurois ma substance:
Je jouis dans l'été des peines du printems.
Si je ne dois qu'à moi mes dignités nouvelles,
Crois-tu par là me ravalér
Apprends qu'il est doux de voler,
Et qu'il est glorieux d'avoir formé ses ailes.

XIV. Полевка и водяная крыса⁷⁸

Полёвка-мышь однажды крысе водяной,
Что нежилась у заводи речной:
– Кузина, – говорит, – удачна наша встреча,
Не знаю почему, мне снилась наша речка:
Должно сдружиться нам – у нас прозванья схожи,
Мы ветви, знаете ли, древа одного же:
Когда твои болота ручьями разбегутся,
Моим полям сокровищем прольются.
Приди увидеть: замок в ста шагах,
Что я построила, что столь прекрасным вышел.
А можно ль мне узреть твоё жилище?
За счастье побыва б я у тебя в гостях.
Мне было б любопытно увидеть,
Как в сырости смогла ты особняк создать.
– Сочту за честь, – подруга отвечала, —
но надо бы подплыть... – Я не пыталась,
Но покажи пример – я повторю,
Хоть новичок, мадам, но вдруг и превзойду.
– Идёт. – И вот уж обе рассекают волны;
Но у ондатры хатка так стоит глуббоко,
Что вскоре стала уставать полёвка.
О помощи пищит, страданьем полна,

---

⁷⁸ Есть параллели с басней Жана де Лафонтена «Крыса и лягушка» (см. Приложение 10).

И за гребком гребок, и чуть глотком не задохнулась,
И кабы не подруга, то на берег не вернулась.
Забыламыш навек опыту водолаза,
И прочее, к чему способности нет сразу.
– Кузина, – молвит жительница вод, – река грязна,
Не потому ль приснилась тебе мутная вода?
Пойдём, подруга, замок твой смотреть:
Неспешно двинемся, просушим шерсть.
Паломничества длинные себе с трудом представлю,
Но с сотнею шагов в охотку справлюсь.

Le Rat des champs et le Rat d'eau

Un Jour le Rat des champs aperçut le Rat d'eau
Qui prenoit ses ébats sur le bord d'un ruisseau:
Mon cousin, lui dit-il, la rencontre est heureuse,
Et je ne sais pourquoi j'ai rêvé d'eau bourbeuse:
Nous devons être amis, nos deux noms n'en font qu'un;
Nos branches, comme on sait, sortent d'un tronc commun:
Les marais à la tienne échurent en partage,
Et la mienne des champs m'a transmis l'héritage.
Viens m'y voir; à cent pas j'habite un mien château,
Dont je fus l'architecte, et qu'on trouve assez beau.
Ne puis-je cependant connoître ta demeure?
Je veux t'y visiter; et ce sera sur l'heure.
Je suis, je l'avouerai, fort curieux de voir,

Voir un peu comme est fait ton humide manoir.
Trop d'honneur, répondit l'animal amphibie;
Mais il faudra nager... Je n'appris de ma vie;
Mais donne-moi l'exemple, et je t'imiterai.
Mon maître, en débutant, je vous surpasserai.
Soit. Et voilà d'abord mes deux Rats fendant l'onde;
Mais l'hôte des guérêts la trouva si profonde,
Qu'à son maître bien-tôt l'apprentif eut recours.
Il avoit grand besoin qu'on vint à son secours,
Avalant coup fur coup mainte et mainte rasade,
Quand il revint au bord, grace à son camarade;
Renonçant pour toujours au métier de plongeur,
Et même à tout métier, qu'il ne le sûr par caur.
Cousin, dit le Rat d'eau, la rivière est fangeuse,
Et ce n'est pas pour rien qu'on rêve d'eau bourbeuse?
Remettons la partie; allons voir ton château;
Nous irons doucement, pour secher notre peau.
J'entreprends avec peine un long pélerinage;

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.